

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

**СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ**

Сборник материалов V Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 20—22 октября 2016 года)

Барановичи
БарГУ
2016

Включены материалы докладов V Международной научно-практической конференции «Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность» по актуальным проблемам следующих научных дисциплин и направлений: психология, педагогика, филология, лингвистика и методика преподавания иностранных языков, человек в обществе, организация здоровьесбережения, обучение, воспитание и развитие дошкольников.

Адресовано преподавателям и студентам учреждений высшего образования, магистрантам, аспирантам.

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, Н. Ф. Захарченя (отв. секретари),
Е. А. Клещёва, Е. Ф. Нестер, К. С. Тристеня, А. В. Демидович, Е. И. Белая, О. Н. Фенчук,
И. В. Пинюта, А. А. Савко

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы учреждения
образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» О. Е. Панькова

Также представители течения культивировали легенды, героические личности из глубокого прошлого, что проявилось в некоторой монументальности образов и активном обращении к универсальным и национальным фольклорно-мифологическим мотивам и символам. Природа также стала важной темой творчества неоромантиков, так как противопоставлялась материальности цивилизации, процессам индустриализации, урбанизации и рассматривалась как место проявления истинных инстинктов (страстей) человека, идейный центр, с которым связывалось постижение смысла жизни и этико-эстетических ценностей.

Приметой неоромантизма следует считать и образ человека — духовно необузданной, часто одинокой, направляемой альтруистическими идеалами личности. Для неоромантического героя характерно противодействие духовной инерции и нравственным шаблонам, потребность в самореализации. Он становится воплощением долга и самопожертвования, дисциплины и веры, гармоничного единства силы духа и физической мощи, поэтому мотивы этического протеста зачастую доминируют над протестом эстетическим.

Наиболее привлекательной чертой неоромантизма, с нашей точки зрения, представляется его оптимистический пафос, особенно на фоне распространившегося в начале XX века пессимизма. Стремясь предугадать дальнейший ход исторических событий, неоромантики призывали к искусству больших обобщений, целостному восприятию бытия, философскому пониманию человека и его окружения. Дробному натуралистическому «анализу» противопоставлялся романтический «синтез», превозносился художественный темперамент, творческая фантазия, субъективно-чувственное начало в искусстве — в противовес рассудочности, плоскому позитивистскому эмпиризму. Поэтому для творчества неоромантиков характерны приоритет экспрессивного начала над описательным, лирического над эпическим, концентрация на настроении и эмоциях, максимализм и романтизация чувств, страсти, напряжённость фабулы, интерес к личной (интимной) жизни человека, его мечтам (снам) и ожиданиям, т. е. очевиден поворот от внешнего к внутреннему (преобладание субъективизма (“I-form”), от повседневного к исключительному.

Заключение. Будучи тесно связанным с романтизмом, неоромантизм как литературное течение возникает в иных социокультурных условиях и вырабатывает особую концепцию мира. В соответствии с историко-теоретическим подходом неоромантизм можно определить как основанное на продолжении романтической парадигмы литературное течение рубежа XIX—XX веков, которое утверждает единство обыденного и возвышенного, мечты и действительности; предусматривает преобразование мира с помощью особого типа героя (человека действия, преодолевающего все преграды социума и природы) и красоты; характеризуется эстетическим и этическим протестом против дегуманизации личности, разработкой проблем патриотизма и героизма, предельной эмоциональностью и художественной экспрессией, интересом к иррациональному (фантастическому), обращением к прошлому, апелляцией к образам природы и человеку искусства (художника), противопоставленных социальным обстоятельствам.

Список цитируемых источников

1. Дербенёва, Л. Неоромантизм как художественная система и научно-исследовательская проблема // Південний архів. Філологічні науки : зб. наук. праць. Херсон : Айлант, 2009. Вип. 46. С. 21—26. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Pafn_2009_46_2.pdf (дата обращения: 14.08.2013).
2. Зарубежная литература конца XIX — начала XX в. : учеб. пособие : в 2 т. / ред. В. М. Толмачева. М. : Академия, 2008. Т. 1. 303 с.
3. Там же. С. 66.
4. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М. : Республика, 1994. Т. 2. 226 с.
5. Украинка Л. Собрание произведений : в 12 т. К. : Научная мысль, 1978. Т. 9. 694 с.
6. Луцкевич А. Выбранные творы : проблеми культури, літератури і мистецтва / уклад., прадм., кам'єнт., індэкс ім'єнаў, пер. з пол. і ням. А. Сідарэвіча. Мінск : Кнігазбор, 2006. 460 с.
7. Царик Д. К. Типология неоромантизма / отв. ред. Л. С. Радек. Киев : Штиинца, 1984. 166 с.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 31.
10. Васильева О. А. Раннее творчество А. С. Грина: художественная модель мира, становление романтического героя : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.02 / Таврич. нац. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2006. 200 л.
11. Луков В. А. Французский неоромантизм [Электронный ресурс] : монография. М., 2009. URL: http://www/mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/monographs/Lukov_French_Neo-romantism/pdf (дата обращения: 24.02.2012).

УДК 81.271.2

Е. С. Лихтар

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА «ПРИКАЗ» В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В РЕЧИ ЖЕНЩИН

Введение. В последнее время лингвистами интенсивно разрабатывается функциональная модель описания языка, согласно которой языковая система понимается как инструмент мысли и коммуникации, как система средств, служащая определённой цели. При таком подходе основной языковой единицей становится функционально-семантическое поле, которое рассматривается как «система равноуровневых средств данного языка, взаимо-

действующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории» [1, с. 566—567]. Одним из объектов исследования языка в его речевом воплощении служит категория приказа. Опираясь на традиционную классификацию речевых актов, предложенную Дж. Серлем, приказ относится к директивному классу речевых актов и представляет собой коммуникативную ситуацию, в которой, как и в любой коммуникативной модели, наличествует говорящий, слушающий и высказывание.

Данное исследование направлено на комплексный анализ языковых средств выражения приказа в немецкоязычном художественном дискурсе в речи женщин на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. На основе сплошной выборки из произведений художественной литературы, в частности, романов «Der Himmel kennt keine Günstlinge», «Die Nacht von Lissabon» и «Liebe Deinen Nächsten» E. M. Remarque, а также романов «Das Beben», «Der Mond und das Mädchen» и «Was davor geschah» M. Mosebach объёмом 1 888 с. нами отобрано 67 контекстов. Следует отметить, что критерием отбора послужило наличие рассматриваемой семантики (приказ) в значении языковых единиц, формирующих контексты. Основополагающими методами исследования выступают методы дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализа, интерпретационный метод.

Основная часть. Речевой акт «приказ» является прескриптивным видом директивных речевых актов, имеющих своей целью побудить адресата к совершению какого-либо действия или изменению состояния. Источником побуждения может выступать как отдельное лицо, занимающее определённую социальную позицию, так и общественный институт. Говоря о семантике директивного речевого акта «приказ», следует указать, что он может иметь различные оттенки значения, что способствует выделению нескольких видов приказов: чистый приказ, приказ-запрет, приказ-команда, приказ-требование. Общим семантическим значением для всех видов приказов является то, что данный речевой акт представляет собой «официальное распоряжение, предписание, издаваемое руководителем учреждения, предприятия, организации; документ, в котором изложено такое распоряжение, повеление» [2, с. 507].

Ядром языковых средств, выражающих приказ, являются слова. Этот способ универсален для всех языков. Стилистическое богатство лексического, морфологического и синтаксического уровней обусловлено не только большим числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной, многоярусной системой их стилистической организации. Разнообразие аспектов употребления речевого акта «приказ» указывает на сложность и многоплановость данного явления. Лексический уровень в речи женщин формируется различными языковыми средствами, основным из которых выступают модальные глаголы (13 контекстов, 20,7%), которые выражают не само действие, а отношение к действию. Наиболее употребительными модальными глаголами являются глаголы «müssen» и «sollen». Модальный глагол «müssen» привносит в значение побуждения оттенок вынужденности, необходимости совершения действия под давлением внешних обстоятельств или чужой воли. Этот глагол «уместен при апелляции к чувству долга адресата, внушении ему сознания необходимости совершения повелеваемого действия. Побуждение с «müssen» отличается несколько большей настойчивостью и решительностью по сравнению с побуждением, выражаемым глаголом «sollen» [3, с. 108—109]. Глагол «müssen» специфичен по сфере употребления, он является доминирующим в ситуациях, когда коммуникант должен выполнять действие под давлением обстоятельств или из внутренней потребности (12 контекстов, 19,1%): «Aber das hat doch nichts mit meinen Lungen zu tun! Es ist nur die Aufregung! Miss Somervilles Abreise! Der Föhn! Ich bin doch negativ! Ich bin doch nicht positiv! Oder doch? «Nein, nein. Kommen Sie, legen Sie sich hin! Sie müssen fertig sein, wenn der Professor kommt» [4, с. 39].

Сфера употребления глагола «sollen» (1 контекст, 1,6%) связана с «отношением говорящего к действию», выражает собой «долг, обязанность, поручение, неличное планирование, требование, обозначает чаще повеление, приказ, обязанность, которые исходят от чужой инстанции» [5, с. 83]: Die Schublade, in der die Briefe gelegen hatten, war offen. Sie schob sie zu und kam dicht an mich heran. «Hat Georg das getan?» fragte sie. «Es war ein Konsortium», erwiderte ich. «Er soll verflucht sein!» Sie trat an das Fenster. Die Katze sprang weg. Sie öffnete die Läden [6].

Для смягчения побуждения в немецком языке используются группы особых глагольных лексем: «lassen» (велеть, заставить) + полнозначный глагол (5 контекстов, 7,9%): Helen öffnete die Fenster und die Tür. «Es riecht nach Soldatenstiefeln und Terror», sagte sie. «Laß den August herein! Wir wollen die Fenster offenlassen und weggehen. Ist es Zeit zum Mittagessen?» [7].

К микрополю приказа в речи женщин относятся также **перформативные глаголы** (термин Дж. Остина), выражающие цели речевого акта: *befehlen, verlangen, verbieten, fordern, empfehlen, erlauben* и т. д. По определению исследователя, «высказывания с перформативными глаголами ничего не описывают, не утверждают, не сообщают о каком-либо положении дел и поэтому не являются ни истинными, ни ложными: они характеризуют совершение некоторого действия путём произнесения» [8, с. 14—25]. Например: «Sie machen weiter die Waschanlage», *befahl* Frau Mahmoudi, «aber nur noch für zwei Monate» [9, с. 193].

Перформативный глагол «befehlen» самым непосредственным образом дифференцирует семантику приказа. Анализ контекстов свидетельствует о том, что социальное положение адресата ниже социального положения адресанта, чем и обусловлено направление приказа: от вышестоящего к нижестоящему, что подразумевает облигаторность выполнения повеления для адресата и не терпит возражения.

Особая роль среди языковых средств выражения приказа на лексическом уровне принадлежит и модальным частицам как к одной из разновидностей частиц. К частицам относятся, как известно, «служебные слова, не имеющие вполне самостоятельного лексического значения, и служащие для уточнения значения других слов, словосочетаний, предложений. Модальные частицы принадлежат к наиболее употребительным средствам немецкого языка. Они передают различные степени модальных отношений, тонко дифференцируя оттенки модальности предложения» [10, S. 74]. Подавляющее большинство немецких частиц служит для усиления и уточнения наклонений — это

модальные частицы (*doch, nur, nun* и т. д.), которые усиливают интенцию приказа: *Der Schweiß rann mir in Bächen den Hals hinab, mein Hemd war dunkel auf Brust und Rücken. «Ziehen Sie es doch aus!», sagte Iris, ohne sich von ihrem metikulösen Reinigungswerk abzuwenden, «Sie sind hier auf dem Bau, Bauarbeiter tragen keine Hemden»* [11, с. 211].

Одними из эталонных форм выражения приказа в речи женщин на морфологическом уровне являются формы повелительного наклонения, под которыми понимается «грамматическая форма глагола, выражающая волю говорящего, побуждение к совершению действия, направленная к одному или нескольким лицам» [12]. Основной функцией императива является «побуждение адресата к выполнению или не выполнению какого-либо действия (физического, мыслительного, речевого и т. д.), которые могут быть переданы как в утвердительной, так и в отрицательной форме» [13, с. 503]. С нашей точки зрения, императив служит, прежде всего, для выражения коммуникативной задачи и является важнейшим средством образования побудительных предложений. Сущности императива, т. е. его привязанности к моменту речи, соответствует то, что он признаёт только одну временную форму — презенс. По этим же причинам не все лица могут употребляться в императиве. Ярко выражены формы 2-го лица единственного и множественного числа и вежливая форма: *Komm! Kommt! Kommen Sie!*. Как указывает Л. А. Бирюлин, ориентация реплик на лицо, или личная локализация (адресованность) высказывания, является одним из основных формализаторов речевого поведения. С помощью личной локализации кодируется информация о говорящем и адресате высказывания: его половой принадлежности, социальном статусе, социальных отношениях, дистанции между собеседниками [14]. Проведённый анализ отобранного материала показал, что формы повелительного наклонения в речи женщин использованы в 35 контекстах, что составило 55,5%. Например: «*Fräulein Dunkerque, der Professor wartet*», mahnte die Schwester aus der Tür. «*Komm!*» sagte Maria. Die andern kommen auch! [15, с. 42].

В ходе исследования нами установлено, что в речи женщин чаще всего используются формы 2-го лица единственного числа и вежливого обращения. Преобладание формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения связано, с нашей точки зрения, с желанием представительниц немецкоязычного языкового общества выделить одного адресата из числа других и адресовать приказ конкретному лицу. Кроме того, анализ императивных конструкций позволяет выявить специфические черты побудительных высказываний, обладающих богатым арсеналом выразительных средств, с помощью которых можно передать все оттенки эмоционально-повелительных значений — от самых мягких и вежливых, до резких и грубых.

Типичным языковым средством выражения приказа в речи женщин на морфологическом уровне является сослагательное наклонение, формы которого представлены употреблением претеритума конъюнктива с модальным глаголом «*sollen*» (1 контекст, 1,6%): *Lillian erhob sich. Im gleichen Augenblick öffnete sich die Tür, und das Krokodil stand im Rahmen. «Das habe ich mir doch gedacht! Zigaretten! Alkohol auf dem Zimmer! Eine Orgie! Sogar Sie dabei, Fräulein Ruesch!» zischte sie zu Streptomycin-Lilly hinüber. «Auf Krücken hereingeschlichen! Und Herr Schirmer, Sie auch! Sie sollten im Bett sein!»* [16].

В общей языковой системе синтаксическая сторона занимает особое место — это явление высшего порядка, так как для выражения мысли и решения коммуникативной задачи недостаточно только отбора лексического материала, необходимо правильное и чёткое установление связи между словами, группами слов. Многие средства синтаксиса отличаются сильной эмоциональностью, например: предложения, различные по цели высказывания (побудительные, восклицательные, нередко вопросительные); многие случаи неполных и односоставных предложений; ряд явлений порядка слов; случаи использования однородных членов предложения, видов бессоюзных предложений, инверсий и др. Каждый из разрядов предложений (повествовательные, вопросительные, восклицательные, побудительные) имеет свои формальные и интонационные признаки. Данные средства могут быть использованы на этапе реализации речевого акта «приказ», однако не все из них нашли своё отражение в отобранных нами контекстах. Так, синтаксический уровень в немецкоязычном художественном дискурсе представлен только эллиптическими предложениями (3 контекста, 4,8%) с семантикой приказа: *Ich ging mit ihr. Die Tote war völlig ausgeblutet. Als wir hinaufkamen, waren zwei Emigrantinnen dabei, sie zu waschen. Sie drehten sie gerade um wie ein weißes Brett. Die Haare hingen zu Boden. «Raus!» zischte eine mir zu* [17]. Отсутствие сказуемого в побудительном предложении не влияет на иллокутивную силу высказывания. Использование в речи женщин эллиптических предложений свидетельствует о категоричности и однозначности приказа.

Можно сделать вывод, что немецкий язык располагает многочисленными и разнообразными по своей структуре и содержанию средствами выражения приказа, выбор которых зависит от интенции коммуниканта и от ситуации общения. Вместе с тем проведённый анализ отобранного языкового материала позволяет говорить о комплексном использовании женщинами средств выражения приказа, которые относятся к разным уровням (морфологическому, синтаксическому и лексическому) (6 контекстов, 9,5%). Например: *Sein Gesicht entspannte sich plötzlich. «Danke», sagte er. Er sammelte sich. «In Biarritz begann das Verhängnis. Ich hatte gehört, von St. Jean de Luz solle ein kleines Boot abgehen. Es war nicht wahr. Als ich in die Pension zurückkehrte, sah ich Helen mit entstelltem Gesicht am Boden liegen. «Ein Krampf», flüsterte sie. «Er geht gleich vorbei Laß mich!» «Ich hole sofort einen Arzt!» «Keinen Arzt», keuchte sie. «Nicht nötig. Es ist gleich vorbei. Geh! Komm in fünf Minuten wieder. ... «Laß mich allein! Tu, was ich sage! Keinen Arzt! So geh doch!» schrie sie. «Ich weiß, was ich sage* [18].

Заключение. В результате проведённого анализа корпуса контекстов с использованием языковых средств выражения приказа в речи женщин нами установлено, что в большинстве случаев (55,5%) в речи женщин используются формы повелительного наклонения, которые относятся к прямым способам реализации речевого акта «приказ», поскольку устраняют возможность его неоднозначной интерпретации адресатом. Прямой способ выражения приказа заключается в том, что говорящий стремится оказать определённое иллокутивное воздействие на слушателя путём использования таких языковых средств, иллокутивная сила которых легко опознаётся слушателем. В таких случаях говорящий, произнося определённое выражение, имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит.

Список цитируемых источников

1. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
2. Чернышев В. И. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : АН СССР, 1950—1965. 15 000 с.
3. Босак А. А. Грамматика немецкого языка. Морфология : учеб. пособие. Минск : БГЭУ, 2003. 210 с.
4. Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon. Köln : Deutscher Bücherbund, 1962. 299 S.
5. Галай О. М., Кириш В. Н., Черкас М. А. Практическая грамматика немецкого языка. Морфология : учеб. пособие. Минск : АВЭРСЭВ, 2006. 480 с.
6. Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon. S. 279.
7. Ibid. S. 161.
8. Остин Дж. Избранное. Как производить действия при помощи слов. М. : Дом интелл. кн., 1999. 332 с.
9. Mosebach M. Der Mond und das Mädchen. München : Carl Hanser Verlag, 2007. 197 S.
10. Kummer M. Modalpartikeln. Bonn : Inter Nationes, 1990. 174 S.
11. Mosebach M. Das Beben. München : Carl Hanser Verlag, 2005. 334 S.
12. Галай О. М., Кириш В. Н., Черкас М. А. Практическая грамматика немецкого языка. Морфология. С. 120.
13. Der Duden. Die Grammatik. Ausg. In 12 Bd. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 1995. Band 4. 407 S.
14. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Типология императивных конструкций. Л. : Наука, 1992. 301 с.
15. Remarque E. M. Der Himmel kennt keine Günstlinge. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1959. 269 S.
16. Ibid. S. 65.
17. Remarque, E. M. Die Nacht von Lissabon. S. 261.
18. Ibid. S. 245.

УДК 81'1:[811.111+811.161.1+811.161.3]

А. Н. Лундышева

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ В ДУБЛЕТНЫХ РЯДАХ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА

Введение. Исследование взаимодействия двух ведущих способов номинации — словообразования и семантической деривации, а также многократно отмечаемого разными авторами их изоморфизма [1], представляет особый интерес и является перспективным направлением исследований [2].

Основная часть. Цель данного исследования — выявить особенности взаимодействия словосложения и семантической деривации при выполнении определённого номинативного задания. На первом этапе исследования были определены способы номинации имён существительных американского сленга (13 701 лексико-семантический вариант). Анализ показал, что основными способами номинации являются словосложение (35%) и семантическая деривация (33%). В связи с примерно одинаковым удельным весом данных способов возникает вопрос «Какую роль играет каждый из данных ведущих способов при выполнении определённого номинативного задания?». Выявление особенностей этого распределения — одно из интересных и перспективных направлений анализа взаимодействия способов номинации как и в пределах одного языка, так и в контрастивных исследованиях [3]. В частности, интересным представляется поиск семантических и функциональных отличий лексических единиц, обозначающих идентичные понятия, но образованных разными способами (в нашем случае — семантической деривацией и словосложением).

Для сленговых подсистем данное направление анализа представляется особенно актуальным в силу ряда причин. Во-первых, известно, что сленговая подсистема практически не создаёт новых слов и выражений, а лишь пополняет синонимические ряды слов экспрессивно-стилистическими и эвфемистическими дублетами к словам литературного языка [4, с. 7]. Следствием подобной специфики сленговой лексики является значительное количество синонимических рядов в данной языковой подсистеме [5]: *bomb, chug wagon, go-cart, iron, wheels, bucket of bolts, tin can, goat, bus 'a car'*. Однако даже беглый анализ синонимических сленговых рядов показывает, что они не однородны. Так, в зависимости от семного состава можно выделить два типа:

1) содержащие качественно однородные лексические единицы, т. е. те, в значении которых содержится одна исходная ядерная сема: *bat, beetle, bird, buff, bug, bunny, calico, canary, cookie, cow, dame, dish, duchess, dry-goods, fairy, fluff, frill, heifer, Jane, Judy, jellybean, loaf, mama, muff, muffin, pigeon, play, pullet, rib, sister, sis, snake, skirt, soft legs, squab, tweed, witch, wren 'a girl'*;

2) содержащие качественно-неоднородные лексические единицы, в семантике которых, помимо ядерных, закреплены и другие семы, дополнительные [6]: *pinky 'an attractive, light-skinned Negro girl'; drag 'a girl when escorted by a man at a social affair, esp a dance, a man's date'; subdeb 'a girl younger than a debutante, a young teenage girl'; arrowhead 'a wallflower, an unpopular girl'; baby doll 'a pretty girl'; banana 'a sexually attractive mulatto or light-skinned Negro woman; a trim high-yellow girl'; Victory girl 'a girl or woman who worked in a war plant during WWII or performed other work necessary to the war effort'*.